

А.Д. Беляев

**Самодержавие и
народовластие**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А.Д. Беляев**
Самодержавие и народовластие / А.Д. Беляев – М.: Книга по Требованию,
2015. – 56 с.

ISBN 978-5-458-56387-1

ISBN 978-5-458-56387-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

возвышенное ученіе было согласно съ ихъ праведною жизнію, было отраженіемъ ихъ чистой души.

Въ послѣдніе смутные дни не только революціонеры, но даже и умѣренные либералы усиленно восхваляли народовластіе или демократію, а, съ другой стороны, столь же настойчиво, иногда и рѣзко, порицали сначала бюрократію или власть чиновниковъ, административныя власти, назначенныя правительствомъ, а потомъ и монархическій образъ правленія, особенно самодержавіе или неограниченную монархическую власть. Многіе всего годъ или два года тому назадъ, повидимому, и не думали быть приверженцами народовластія; не слышно было отъ нихъ ни восхваленія, ни даже вообще благосклонной оцѣнки демократическихъ республикъ—Швейцарской, Французской, Американской. А теперь они восхваляютъ народовластіе и порицаютъ самодержавіе, и даже вообще царскую власть.

Можно сказать навѣрняка, что подобные новоявленные политики отдають теперь явное предпочтеніе народовластію предъ царскою властію не вслѣдствіе тщательнаго изученія исторіи, соціологіи, политики, не путемъ долговременнаго и самостоятельнаго труда мысли, а просто увлекаемые духомъ времени, модой, примѣромъ, круговоротомъ ходячихъ идей и теченіемъ событій. Черезъ нѣсколько времени, при возможномъ поворотѣ теченія жизни въ иную, даже противоположную, сторону, они запоють иную пѣсню. Вліяніе стадности всегда велико, а въ смутныя эпохи въ особенности. Подулъ вѣтеръ съ юга—флюгеръ поворачивается клювомъ на сѣверъ; потянетъ вѣтеръ съ сѣвера—и тотъ же флюгеръ повертывается въ противоположную сторону. Въ эпохи, подобныя настоящей, не только высказываются нелѣпыя взгляды и лживыя ученія, но и широко распространяются, лишь бы они соответствовали духу времени.

Охватившее теперь нѣкоторую часть русскаго общества пристрастіе къ народовластію и нерасположеніе къ монархическому образу правленія побуждаютъ насъ напомнить читателямъ взглядъ на царскую власть и на власть народную выдающагося русскаго богослова, глубокаго и пронищательнаго мыслителя и подвижника, епископа Теофана (Говорова).

Въ своемъ Толкованіи на второе посланіе къ Солунянамъ,

оцѣнивая различныя мнѣнія о томъ, что разумѣлъ апостоль подѣ *удерживающими* явленіе антихриста, Теофанъ по поводу мнѣнія нѣкоторыхъ отцевъ Церкви, видѣвшихъ въ удерживающей антихриста силѣ Римскую имперію, высказываетъ слѣдующія свои соображенія о народовластіи и о царской власти.

„Въ наше время, говорить онъ, какой нибудь вѣсь можно давать подобной мысли развѣ только въ такомъ случаѣ, если подѣ Римскимъ царствомъ разумѣть царскую власть вообще, и это такимъ образомъ: царская власть, имѣя въ своихъ рукахъ способы удерживать движенія народныя и, держась сама христіанскихъ началъ, не попуститъ народу уклониться отъ нихъ, будетъ его сдерживать. Какъ антихристъ главнымъ дѣломъ своимъ будетъ имѣть отвлечь всѣхъ отъ Христа, то и не явится, пока будетъ въ силѣ царская власть. Она не дастъ ему развернуться, будетъ мѣшать ему дѣйствовать въ своемъ духѣ. Вотъ это и есть *удерживающее*. Когда же царская власть падетъ, и народы всюду заведутъ самоуправство (республики, демократіи), тогда антихристу дѣйствовать будетъ просторно. Сатанѣ не трудно будетъ готовить голоса въ пользу отреченія отъ Христа, какъ это показалъ опытъ во время французской революціи. Некому будетъ сказать veto—властное. Смирное же заявленіе вѣры и слушать не стануть. Итакъ, когда заведутся всюду такіе порядки, благопріятные раскрытію антихристовыхъ стремленій, тогда и антихристъ явится. До того же времени подождать, удержится...

Можно бы основательно возразить, что народъ самъ будетъ блюсти свою вѣру. Но, какъ уже и впереди говорилось, трудно допустить, чтобы вѣра съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе возрастала въ силѣ. Свѣтлыя нѣкоторыхъ писателей изображенія христіанства въ будущемъ пріятно встрѣчать, но не чѣмъ оправдать. Царство Христово благодатное точно расширяется, растетъ, полнѣетъ, но не на землѣ видимо, а на небѣ невидимо, изъ лицъ, тамъ и здѣсь, въ земныхъ царствахъ, приготавливаемыхъ туда спасительною силою Христовою. На землѣ же преуказывается господство невѣрія и зла. Оно видимо расширяется; и когда уже очень возобладаетъ, тогда дѣло будетъ стоять только за началомъ. Подай только кто вліятельный примѣръ, или голосъ сильный, и отступле-

ніе отъ вѣры начнетъ совершаться. Этотъ толчекъ и дань будетъ антихристомъ. Отсюда можно положить, что удерживающее антихриста есть вмѣстѣ и то, что нѣтъ еще должной подготовки въ людяхъ къ принятію его; перевѣса еще не взяли невѣріе и нечестіе; много еще вѣры и добра въ родѣ человѣческомъ“¹⁾.

Это было напечатано въ 1873 году. Не знающимъ жизни епископа Теофана напомнимъ, что онъ добровольно, ради достиженія высшаго совершенства, отказался отъ всѣхъ земныхъ благъ и преимуществъ—отъ епископской власти, отъ стяжаній, и съ 1866 года подвизался въ Вышенскомъ монастырѣ (Тамбовской епархіи) въ затворѣ, а въ послѣдніе годы жизни осуществлялъ высшій и самый тяжелый подвигъ—молчальничества. Очевидно, для такого человѣка было не возможно, да и не для чего, льстить кому бы то ни было, хотя бы и царю.

Добавимъ еще, что подвизаясь въ затворѣ и пустынномъ уединеніи, удалившись отъ міра, онъ не отградился отъ послѣдняго непроницаемой стѣной, не сталъ слѣпъ и глухъ къ жизни людей, къ ихъ радостямъ и горю, а въ особенности къ дѣлу ихъ спасенія. Совсѣмъ напротивъ: въ пустынѣ онъ писалъ богословскія сочиненія высокаго ученаго достоинства, зорко слѣдилъ за движеніемъ мысли и жизни въ Россіи, велъ обширную переписку и въ своихъ письмахъ людямъ всѣхъ сословій давалъ мудрые духовные совѣты, отвѣчалъ на вопросы, рѣшалъ мучившія людей сомнѣнія, ободрялъ, утѣшалъ, направлялъ на пути правды и добра. Совершенное безкорыстіе побужденій, любовь къ истинѣ, знаніе жизни, — и не мимолетныхъ верхушекъ, а глубокихъ основъ ея,—здравый практической смыслъ, сильный и обогащенный познаніями умъ, отзывчивое любящее сердце, чистота жизни, исключительное богатство духовнаго опыта, благочестіе и преданность Богу и Христу до самоотверженія—эти рѣдко встрѣчающіяся и по отдѣльности свойства души епископа Теофана не привлекутъ ли вниманія къ его словамъ со стороны мятущихся теперь русскихъ людей. Не окажутся-ли они спасительнымъ свѣтомъ маяка, отводящимъ

¹⁾ Бесѣдовательное толкованіе второго посланія къ Солунянамъ. Москва 1873 г. 71—72 стр.

отъ опасныхъ скалъ и мелей и направляющимъ къ уютной пристани тѣхъ русскихъ, которые въ туманѣ теперешняго броженія мысли не знаютъ, куда и за кѣмъ идти, что отвергать и что принимать. Не призадумаются-ли надъ ними тѣ священнослужители и богословы, которые въ теперешнемъ освободительномъ движеніи привѣтствовали освобожденіе Церкви отъ государственной власти, отъ бюрократическаго гнета? Свобода Церкви желательна; но будетъ-ли ей свободнѣе, легче и лучше жить и дѣйствовать при народовластіи? Какъ бы ей не поцастъ изъ огня да въ полымя. Православная Церковь находится въ нѣкоторой зависимости отъ государственной власти, но за то и пользуется отъ послѣдней содѣйствіемъ и помощію. И при народовластіи она могла бы навѣрняка рассчитывать на расположеніе и помощь отъ свѣтскаго правительства, если бы все или почти все Русское царство было населено людьми православными и вѣрующими. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ: евреи, язычники, мухаммедане, католики, протестанты, армяне, русскіе раскольники и сектанты, русскіе невѣрующіе и равнодушные къ религіи, составляютъ не меньше трети, чуть не половину всего населенія Россіи. Пусть и справедливы въ нѣкоторой мѣрѣ жалобы, что Церковь связана въ своей дѣятельности зависимоścią отъ государства, и что это было одной изъ причинъ нерасположенія къ Церкви и ея служителямъ со стороны иныхъ свѣтскихъ ученыхъ. Но главная причина нерасположенія, а то и ненависти къ Церкви и ея пастырямъ со стороны свѣтскихъ ученыхъ и свѣтскихъ недоучекъ вовсе не въ этой зависимости Церкви отъ государства; она лежитъ глубже; она заключается во взаимной непріязни церковнаго и мірскаго, духовнаго и свѣтскаго. Она прямо указана Христомъ Его апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ ихъ преемникамъ, въ словахъ: *Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ.* (Іоан. 15, 18. 19). Невѣрующимъ или равнодушнымъ къ вѣрѣ ученымъ и недоучкамъ одинаково ненавистны гражданское правительство и Церковь. Къ первому они относятся враждебно по политическимъ причинамъ, ко второй — по своей непріязни къ религіи. Наивно думать, будто они имѣютъ въ виду благо

Церкви, требуя отдѣленія ея отъ государства. До зависимости Церкви отъ государства имъ нѣтъ дѣла. Если они домогаются устранить ее, то только потому, что этимъ способомъ надѣются разобщить интересы Церкви и государства, ограничить, а то и совсѣмъ уничтожить помощь, которую оказываетъ Церковь гражданскому правительству, и гражданское правительство Церкви, даже сравить Церковь съ правительствомъ, чтобы облегчить себѣ побѣду надъ обоими. *Divide et impera.*

Вотъ голосъ о самодержавіи другаго человѣка, мірянина, но отрекшагося отъ благъ міра и проводившаго неуклонно жизнь самаго строгаго отшельника. Мы говоримъ о Николаѣ Федоровичѣ Федоровѣ. Трудно въ немногихъ словахъ описать достоинства этой обаятельной, возвышенной личности.

Николай Федоровичъ не пользовался широкою извѣстностію, быть можетъ потому, что онъ былъ необычайно скромный и, повидимому, намѣренно убѣгалъ популярности и славы, во всякомъ случаѣ не дорожилъ ими. Да и должности онъ занималъ самыя незначительныя. Сначала онъ былъ учителемъ въ уѣздныхъ училищахъ въ провинціи. Потомъ былъ помощникомъ бібліотекаря при Чертковской Библіотекѣ въ Москвѣ. Но бѣльшая часть его жизни протекла на службѣ въ Библіотекѣ Румянцевскаго Музея въ Москвѣ, въ должности дежурнаго чиновника при читальномъ залѣ. Послѣдніе годы жизни онъ служилъ при Библіотекѣ Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Мы познакомились съ Николаемъ Федоровичемъ въ Румянцевской Библіотекѣ, которую мы, начиная еще съ студентческой скамьи, нерѣдко посѣщали для чтенія тѣхъ нужныхъ намъ книгъ, которыхъ не было въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи.

Кто изъ ученыхъ людей Москвы и иногороднихъ, бывавшихъ въ Румянцевской Библіотекѣ для чтенія книгъ, или для ученыхъ справокъ и посѣщавшихъ такъ называемую „каталожную“, не зналъ этого человѣка съ выразительными глазами, съ высокимъ лбомъ, съ дѣтски-добродушнымъ лицомъ, одѣтаго въ темносѣрый поношенный и потертый сюртукъ и наглухо застегнутый жилетъ? Кто изъ нихъ не обращался къ нему, прося у него совѣта въ своей ученой работѣ, освѣдомляясь, какія есть книги, русскія и иностран-

ныя, по тому, или иному вопросу, или журнальныя статьи, гдѣ и когда послѣднія были напечатаны и т. п.? И Николай Федоровичъ, съ величайшей охотой, съ радостію, съ чисто-родственнымъ чувствомъ любви къ ученымъ людямъ, къ ихъ трудамъ и умственнымъ запросамъ давалъ либо точныя, либо приблизительныя указанія о книгахъ, статьяхъ, писателяхъ, ученыхъ взглядахъ, частію по памяти, частію сдѣлавши справки. Какой другой ученый свои, еще не обнародованныя, свѣдѣнія станеть сообщать другимъ ученымъ? А Николай Федоровичъ щедро расточалъ ихъ знакомымъ и незнакомымъ, безъ зависти или ревнивости, дружелюбно, радуясь, что можетъ оказать ученую услугу людямъ, серьезно занятымъ наукой.

Николай Федоровичъ обладалъ твердыми убѣжденіями, строгими и твердо установившимися правилами для мысли, для жизни, для дѣятельности, для отношеній къ другимъ людямъ. Такіе люди—рѣдкость.

Но еще болѣе поразительно было въ немъ постоянство, неуклонность въ осуществленіи своихъ убѣжденій. Трудно выработать опредѣленные и устойчивые взгляды на важнѣйшіе вопросы мысли и жизни, но еще труднѣе осуществлять свои убѣжденія въ жизни и дѣятельности; а осуществлять ихъ неуклонно, безъ колебаній, безъ отступленій, съ постоянствомъ—это подвигъ, достигаемый только избранными людьми. Николай Федоровичъ не принадлежалъ къ многочисленному разряду людей половинчатыхъ, ни теплыхъ, ни холодныхъ. Прямой и искренній, честный и самоотверженный, онъ не былъ способенъ къ сдѣлкамъ ни съ своею совѣстію, ни съ людьми. Обладая цѣльнымъ міросозерцаніемъ и гармоническимъ строемъ духа, онъ до конца проводилъ на дѣлѣ свои жизненныя правила, какъ бы ни было это иногда тяжело.

Строй его души былъ возвышенный. Это былъ идеалистъ въ мысли, въ дѣятельности, въ жизни.

Какъ человекъ „духовный“, „строгий“, онъ пренебрегалъ тѣмъ, что называется счастьемъ, чего добиваются, иногда съ страшными усиліями и всякими жертвами, почти всѣ люди. Еще менѣе онъ дорожилъ удобствами жизни, даже самыми простѣйшими. Его строго — аскетическое самоотреченіе выражалось въ полной нестяжательности. Къ удивле-

нію начальниковъ, которые не могли не цѣнить чрезвычайнаго трудолюбія и выдающейся полезной дѣятельности Николая Федоровича, послѣдній упорно отказывался отъ повышеній по службѣ, отъ чиновъ и отъ предлагаемыхъ ему прибавокъ жалованья, прося перенести послѣднія на долю кого либо изъ его семейныхъ сослуживцевъ. Почти уже въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ онъ былъ награжденъ пенсіей въ 17 р. 51 коп. Но какъ ни было скудно его жалованье, опредѣленную долю его онъ ежемѣсячно удѣлялъ бѣднякамъ, которые были, такъ сказать, его постоянными пенсионерами. Самоотверженною благотворительностію онъ отличался еще въ молодости, когда былъ учителемъ въ уѣздномъ училищѣ. Такъ, однажды, „узнавъ, что у одного изъ бѣдныхъ учениковъ боленъ отецъ, а денегъ на лѣченіе не хватаетъ, Николай Федоровичъ отдалъ ученику для этого дѣла всѣ свои деньги; когда же больной умеръ и не на что было хоронить его, Николай Федоровичъ продалъ свой виць-мундиръ, выручку отдалъ ученику—сиротѣ, а самъ явился на урокъ въ столь ветхой одеждѣ, что случившійся какъ нарочно въ этотъ день въ школѣ пріѣзжій начальникъ былъ изумленъ невозможнымъ костюмомъ преподавателя, и, когда тотъ отказался объяснить причину своей кажущейся неряшливости, предложилъ ему выйти въ отставку, на что Николай Федоровичъ охотно согласился бы, если бы смотритель училища не постѣшиль разъяснить начальству особыя свойства страннаго преподавателя“¹⁾.

Пищей, и жизнію, и развлеченіемъ для Николая Федоровича служилъ умственный трудъ,—это тяжкое бремя для многихъ людей. Обращеніе съ книгами и съ книжными людьми наполняло все время его. Шутливо называя восьмичасовой рабочій день шестнадцатичасовою праздностію, Николай Федоровичъ приходилъ въ Румянцевскую Библиотеку раньше положеннаго времени и уходилъ изъ нея позже окончанія занятій и, кромѣ того, занимался тамъ по праздникамъ и воскреснымъ днямъ. Пишущему онъ предлагалъ приходиться для занятій въ библиотеку, если есть время, по воскресеньямъ. Строгий исполнитель обязательнаго труда, онъ еще больше любилъ трудъ сверхъурочный.

1) Русскій Архивъ 1904 г., апрѣль, 553 стр.

Много лѣтъ трудясь въ библіотекѣ съ неослабнымъ усердіемъ и безпримѣрной любовью къ дѣлу, Николай Федоровичъ превосходно изучилъ книжныя сокровища библіотеки. Для занимающихся въ библіотекѣ это имѣло огромную важность потому, что полнаго каталога, не только печатнаго, но и рукописнаго, библіотека не имѣетъ. Николай Федоровичъ не только со всегдашнею готовностію и очень скоро подыскивалъ требуемыя посѣтителеми книги; но занимающимся не просто только чтеніемъ, а ученымъ трудомъ, онъ деликатно рекомендовалъ еще и другія книги и статьи.

Должность Николая Федоровича располагала къ пріобрѣтенію преимущественно библіографическихъ познаній, ознакомляла со всѣми возможными областями науки, но поверхностно. Разнообразіе и разнородность познаній препятствуетъ основательности изученія и не располагаетъ къ глубокомыслию. Но, къ удивленію, Николаю Федоровичу удалось выработать цѣлое міросозерцаніе, цѣнность котораго возрастаетъ отъ того, что оно не было отзвукомъ какого либо моднаго направленія мысли, а было вполне самобытное и притомъ жизненное. Человѣкъ, какъ бы отрѣшившійся отъ жизни, рѣшалъ остроумно и глубокомысленно многіе очень важные вопросы жизни, и въ рѣшеніи ихъ онъ никому не подражалъ, никому не угождалъ, рѣшалъ ихъ искренне, по совѣсти, глубоко обдумавши. Искренность, глубина, самобытность и возвышенность мысли—отличительныя черты его сочиненій. И нужно только пожалѣть, что онъ печаталъ ихъ въ нераспространенныхъ изданіяхъ, и вообще совсѣмъ не заботился объ ихъ распространеніи.

По благородству, глубинѣ, самобытности и жизненности мысли Николай Федоровичъ былъ поистинѣ мудрецъ, а по чистотѣ и духовности жизни столько же мудрецъ, сколько и праведникъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которыми держится міръ. Къ осуществленію въ своей жизни идеаловъ добра и истины онъ столько же стремился своею возвышенною мыслию, сколько праведною жизнію и благородною дѣятельностію,—стремился неумоимо, неуклонно. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ дѣтей, о которыхъ Христосъ сказалъ: *Кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него* (Лук. 18, 17).

Слово такихъ людей, какъ Николай Федоровичъ,—слово

искреннее, правдивое, независимое, самобытное, продуманное, сильное, всегда выслушать полезно и поучительно. Но особенно высокую цѣну оно имѣетъ теперь, въ переживаемую Россіей смутную пору, преисполненную нестроений и бѣдствій.

Николай Федоровичъ въ своихъ статьяхъ обсуждалъ вопросы важные, жизненные: о наукѣ, объ образованіи, о воспитаніи, о національности и проч. Писалъ онъ и о значеніи царской власти для блага и государства. Статьи о самодержавіи онъ напечаталъ въ газетѣ „Асхабадъ“ за 1901 годъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками этихъ статей и пользуемся только краткимъ извлеченіемъ изъ нихъ, помѣщеннымъ въ біографіи Николая Федоровича, которая составлена Владиміромъ Кожевниковымъ и напечатана въ Русскомъ Архивѣ за 1904 г., подъ заглавіемъ „Николай Федоровичъ Федоровъ“.

Въ этомъ извлеченіи изложенъ взглядъ Николая Федоровича на самодержавіе въ отношеніи самодержавія къ воспитанію и образованію народа. Взглядъ Николая Федоровича на воспитаніе и образованіе отличается серьезностію, возвышенностію и глубиной. Задачи образованія онъ всегда ставилъ въ связь съ задачами воспитанія. Онъ говорилъ, что „знаніе само по себѣ не можетъ служить цѣлью; оно лишь средство къ достиженію высшей цѣли, цѣли самой жизни. По его мнѣнію пріобрѣтеніе знаній только ради удовлетворенія любознательности есть не болѣе, какъ облагороженный видъ безцѣльнаго занятія, и въ такомъ видѣ не можетъ дать полнаго и конечнаго удовлетворенія людямъ, какъ существамъ нравственнымъ. Знаніе раскрываетъ намъ только то, что есть, при совокупности теперешнихъ, наличныхъ условій, то есть, только реальную дѣйствительность при данномъ положеніи вещей. Но существующее положеніе вещей и благо, особенно нравственное благо, не одно и тоже; они далеко не совпадаютъ. Даже совершенное знаніе того, что есть, не въ состояніи дать намъ совершенный миръ. Наоборотъ, будучи достигнуто, оно повергло бы человѣчество въ скорбь, которая была бы беспросвѣтной и безнадежной, если бы на *такомъ* знаніи люди остановились, если бы требованія нравственнаго блага, не совпадающія при существующемъ порядкѣ вещей съ дѣйствительностію, не указывали знанію иного, высшаго назначенія: стать изъ пассивнаго проектив-

нымъ и активнымъ, перейти въ дѣло, въ преобразование *сущестующаго въ должнствующее бытъ*. Воспитаніе есть подготовка этого дѣла въ области чувствъ, воли и характера; обученіе, образованіе, познваніе даютъ ему средства къ осуществленію.

Первое изъ этихъ средствъ—*всеобщность и обязательность образованія*.

Всеобщее образованіе и конечную цѣль его—осуществленіе нравственнаго блага въ человѣчествѣ—Николай Федоровичъ ставилъ въ тѣснѣйшую связь съ самодержавіемъ. По его убѣжденію „вопросъ о цѣли существованія связанъ съ дѣломъ самодержавія“, въ коемъ, какъ воспріемничествѣ и душеприказничествѣ, заключается весь вопросъ о воспитаніи и образованіи, объ ихъ всеобщности, задачѣ и цѣли“. Николай Федоровичъ всеобщее спасеніе видѣлъ въ возстановленіи всемірнаго родства, въ объединеніи человѣчества въ одной семьѣ, а единственной формой государственнаго строя, способной привести къ объединенію человѣчества, онъ признавалъ самодержавіе.

Вотъ какъ онъ раскрываетъ этотъ взглядъ.

„Для возстановленія братскаго единенія, для истиннаго расширенія и сохраненія его въ родѣ человѣческомъ, а также и для руководства братскимъ союзомъ сыновъ умершихъ отцовъ въ общемъ дѣлѣ отеческомъ, въ дѣлѣ, вызываемомъ утратами (смертью), требуется намѣстникъ, всеобщій душеприказчикъ, „стоящій въ отцовъ мѣсто“ (какъ выражались наши предки, такъ и понимавшіе высшую власть). Это и есть самодержецъ. Самодержецъ, какъ стоящій въ отцовъ мѣсто, въ вѣнчаніи на царство получаетъ отъ Бога отцовъ, Бога Троичнаго, высшее освященіе, дѣлается орудіемъ Божественной воли, чтобы руководить дѣломъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, объединяя ихъ въ дѣлѣ по образу Бога Тріединаго“.

„Высшее назначеніе самодержавію даетъ *православіе*, такъ какъ дѣло самодержавія не ограничивается однимъ внѣшнимъ, неполнымъ умиротвореніемъ. Для умиротворенія же внутренняго было принято христіанство, по желанію и самаго народа, инстинктивно, повидимому, чувствовавшего глубоко-скрытое въ христіанствѣ всемірное родство. Христіанство было принято Русью въ его высшей, византійской